

АНДРЕЙ НОВИКОВ-ЛАНСКОЙ

КТО ПРОТИВ НАС

Андрей Новиков-Ланской

Кто против нас. Повесть-притча

«Издательские решения»

Новиков-Ланской А.

Кто против нас. Повесть-притча / А. Новиков-Ланской —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745600-9

В основе повести-притчи известного московского писателя и художника
Андрея Новикова-Ланского — духовное становление человека,
переживающего мистический опыт Сталинградской битвы.

ISBN 978-5-44-745600-9

© Новиков-Ланской А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог первый	6
Пролог второй	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвёртая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кто против нас Повесть-притча

Андрей Новиков-Ланской

Если Бог за нас, кто против нас?

Послание к Римлянам, 8:31

© Андрей Новиков-Ланской, 2018

ISBN 978-5-4474-5600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог первый

Глубоко под городом, в душных царицынских катакомбах, умирал раненый советский солдат.

Он был в беспмятстве и бормотал что-то неразборчивое.

Пожилая женщина в чёрных одеждах склонилась над солдатом, посмотрела в его мутные глаза и вздохнула:

«Не жилец ты, сынок... Столько крови потерял... И зачем я волокла тебя сюда?»

Она попыталась перевязать кровоточащую рану, и солдат захрипел, застонал, его бред стал чуть более внятнм, и женщина разобрала слово «Мария».

А он стал задыхаться, хватать ртом сырой воздух подземелья.

Ему сделалось совсем худо, он покрылся испариной, закашлялся, и изо рта его пошла кровь.

Женщина приподняла ему голову, расстегнула ворот гимнастёрки, заметила, что нет нательного креста, и нахмурилась:

«Да крестила ли мать тебя? Не иначе, ты – коммунист... Всё равно, я тебе некрещёному не дам погибнуть. Вот только имени твоего я не знаю... Но раз Марию вспоминаешь, пусть будет тебе имя Иосиф, как у родителей Господних».

Она взяла церковную чашу, обычный медный потир, и что-то налила туда.

А потом окрестила умирающего солдата – так, как это положено делать, когда нет священника и нет времени ждать.

Пролог второй

Мингиян не был здесь с весны, и вот шесть лун спустя он снова в родной степи, снова видит знакомые холмы и курганы.

Как же хорошо было здесь, когда он только собирался в путь!

Степь пылала тюльпанами и маками, отражаясь на священной горе Богдо.

Теперь кругом лишь выцветшая трава да сухие маковые корбочки.

Уцелела ли брошенная им юрта?

Наверняка на месте, ветру её не сдуть, а чужих здесь нет, унести некому.

Мать говорила, что далеко за большой водой живёт другое племя, но он там никогда не был и никого не видел.

Конь недовольно зачихал, зафыркал, демонстративно завертел мордой, и кочевник насто-рожился, принялся.

Действительно, что-то не так, другой воздух.

Ветер принёс остро солёный, копчёный запах.

Мингияну послышались едва уловимые странные звуки.

Он спрыгнул с коня, прижал ухо к земле, услышал глубокое гудение.

Всё это ему не понравилось, что-то случилось, пока его не было.

Он снова оседлал коня и поскакал дальше.

Вдруг конь дёрнулся в сторону, чуть не сбросив всадника. Мингиян мгновенно огляделся по сторонам, понял, что увидел конь – и сам оторопел, пригнулся, обхватил его шею.

Прямо на них из-за холма двигались существа страшные, прежде им невиданные. Чудо-вища, похожие на животных, но не животные.

Таких в природе не бывает, Мингиян – охотник, и точно это знает.

И всё же медленно, но неуклонно они двигались навстречу, не обращая внимания ни на кочевника, ни на его коня.

Преодолев оцепенение, Мингиян осторожно отъехал в сторону и внимательно всмо-трелся в существ, чтобы запомнить их.

Это были огромные ходячие камни, с брёвнами вместо ног, с крыльями на голове, с двумя рогами и двумя хвостами, спереди и сзади.

За ними двигались нелепые лошади: одни с оттянутыми головами и покрытые пятнами, другие – с обычными головами, но со шкурами, изрезанными в мелкие ленты.

И такие же, с искромсанной полосами кожей, гигантские кошки – а некоторые с цельной кожей, но как будто с сухой травой, обмотанной вокруг головы.

Шествие замыкал переваливавшийся с боку на бок неохватный меховой мешок.

Когда чудища скрылись из виду, Мингиян перевёл дыхание, спрыгнул с коня, лёг в траву, стал смотреть на небо.

И увидел, как на горизонте появилась шумная птица: она стремительно летела на него, оставляя ровный след чёрного дыма.

Птица была подстрелена неведомым охотником, и жизненной силы в ней почти не оста-лось.

Она боролась с воздухом, барахталась в небе, крутилась всем телом, не двигая распах-нутыми крыльями.

И вскоре с грохотом рухнула в степь.

Мингиян вскочил с земли, оторопь сменилась ужасом, кровь горячо застучала в животе.

Он понял, что случилось что-то непоправимое, что-то в его земле смертельно наруши-лось.

Незнакомые солёные запахи, глухой шум степи, неведомые чудища, падение гулкой дымящейся птицы – всё это мучило душу тяжёлым предчувствием.

Мингиян разогнал коня и вскоре увидел юрту, изрядно потрёпанную с весны.

Порыв ветра всколыхнул кусок войлока, слабо державшийся на погнувшемся каркасе, и едва заметная тень мелькнула в щелях юрты – там кто-то был.

Мингиян тихо спрыгнул с коня, подкрался к жилищу и, преодолевая страх, заставил себя заглянуть внутрь.

Там не было ничего страшного, он увидел лишь маленького старика в чужой одежде.

На его сером лице было прозрачное и блестящее украшение.

Он сидел у холодного очага и рисовал чёрной палочкой на чём-то тонком и белом, и понять этот мелкий рисунок было невозможно.

Чужестранец вздрогнул, увидев Мингияна, потом пристально посмотрел на вошедшего и глубоко вздохнул.

Мингиян же не понимал, почему старик глядит на него так долго, но чувствовал в его взгляде ту же тревожную растерянность, что была теперь в нём самом.

*

Когда профессор Зигмунд Генрихович Гедройц понял, что молодой калмык напуган не меньше него и вроде бы не опасен, он снял пенсне, устало потёр переносицу, потом взял карандаш и принялся дописывать письмо – в Москву, в Академию наук.

В этом письме он, смотритель Сталинградского зоопарка, сообщал, что после двухнедельных поисков ему удалось обнаружить часть редких животных, сбежавших из разгромленного фашистами города.

Что животные переплыли Волгу и теперь медленно, но неуклонно движутся через калмыцкую степь к территории Казахстана.

И что хотя он будет продолжать следовать за ними, сохранить их для науки не представляется возможным, потому что скоро зима, а климат здесь резко континентальный.

В конце письма профессор Гедройц добавил, что всё это по сути неважно, поскольку вражеские войска вот-вот форсируют Волгу, и в степи вообще не останется ничего живого.

Однако, перечитав, он решил, что последняя фраза не относится к делу, и зачеркнул ее.

Глава первая

Нет в царстве перемен.

Застыла жизнь в несчастном постоянстве разрушения.

Зов к покаянию звучит, но он неслышен, ибо замкнут слух народа.

Заветы, наставления – всё забыто, в беспамятстве погибло.

Живые возомнили, что их знание превьшие мудрости их предков.

Но те, чьими сердцами кормится земля, терпят и ждут, на провидение возлагая свою волю.

«Свитки»

Журналист Андрей Гедройц, милый и застенчивый человек, не был широко известен в Москве.

Он писал газетные очерки, фельетоны и рецензии, получая небольшие, но постоянные гонорары.

Гедройц вёл размеренную неторопливую жизнь, далёкую от неурядиц быта и успокоенную миром слов.

Но вот в последнее лето двадцатого века взяла его тоска: то ли подействовала особая атмосфера переломного года, то ли прежде времени наступил кризис среднего возраста, но Гедройц отяготился своим существованием.

Его повседневная жизнь была однообразна и по сути бессмысленна, она текла от завтрака к ужину, ото сна ко сну – без цели, развития и результата.

Он стал всё больше задумываться о том, что хорошо бы что-то изменить, уйти от привычного уклада жизни.

Ему захотелось совершить что-нибудь яркое – но что он мог сделать?

И коль скоро главным его умением была способность выражать мысли на бумаге, он решил, что настало время написать что-нибудь серьёзное – не фельетон, а роман – ну, или хотя бы повесть.

Тема, конечно, должна быть значительной и волнующей – эпической, героической.

«Наш народ влюблён в историю и обязательно будет читать героическую книгу», – думал Гедройц.

Решение пришло быстро: ничего более героического в родной истории, чем Сталинградская битва, он придумать не мог.

К тому же было личное отношение к этому сражению: его родной прадед, крупный учёный-биолог, работал в Сталинграде во время войны и пропал там без вести.

Андрей понял, что о Сталинградской битве и нужно писать книгу, что это его долг перед прадедом, перед семьёй – и стал собирать материал, засел за изучение военных книг, документальных и художественных.

А чем больше находил сведений, деталей, гипотез, тем меньше понимал, что же в действительности происходило тогда в Сталинграде.

Он не мог найти ответа на самый, казалось бы, очевидный вопрос: в чём была причина и смысл этой битвы?

Зачем Гитлер отвёл войска от Москвы и направил их к Каспийскому морю? – лучшие войска, бравшие до этого Париж и Варшаву.

Объяснения историков были на первый взгляд логичны, всё чётко укладывалось в стратегический план немцев, в их стремление выйти к кавказской нефти, контролировать южную часть Волги – и попутно покорить символический город имени Сталина.

Но что-то мешало Гедройцу полностью согласиться с таким толкованием: конечно, определенный смысл в нем был, но он плохо увязывался с ожесточенностью самого кровопролитного сражения в истории.

И Гитлер, и Сталин явно осознавали битву как предельную кульминацию войны – при очевидно недостаточном военно-тактическом обосновании.

Советское командование бросило все силы на осуществление оборонительной операции, русские войска самоотверженно, как что-то самое дорогое, защищали Сталинград.

Нет, что-то скрывается за всем этим, что-то сверхважное тянуло туда Гитлера, говорившего, что Москва – голова, а Сталинград – сердце России.

Немцы строили множество оборонительных сооружений, очевидно готовясь всеми силами удерживать захваченный город, а не идти дальше к нефти.

Исследуя обстоятельства битвы, Гедройц узнавал таинственные детали, которые почему-то замалчивались.

Почему немецким войскам был отдан приказ ни в коем случае не бомбить Мамаев курган, а только сбрасывать противопехотные дроты?

Почему вместе с войсками к кургану двигались мощнейшие экскаваторы, группы археологов, охраняемые элитными спецчастями СС?

Гедройц знал, что и Гитлер, и Сталин были настроены весьма мистически, а Мамаев курган, этот участок кровопролитнейших сражений, – место священное, очень древнее, там тюркские и арийские жреческие захоронения.

Гедройц раскопал удивительный факт: курган представляет собой правильную пирамиду высотой более ста метров.

Он невольно вспомнил, что древнее название Волги – река Ра, а ведь это имя египетского божества.

Потом Гедройц узнал, что неподалёку небезызвестный Батый выстроил столицу своего государства: этот обуреваемый мессианским чувством хан не решился пересечь Волгу и обосновался напротив кургана, на другом берегу.

По некоторым сведениям, здесь была столица и другого вождя, знаменитого Аттилы, сокрушавшего Рим.

Сюда через Каспий привозили для погребения персидских царей, рядом находится великая буддийская святыня – кровавая гора Богдо.

Неподалеку, в междуречье Волги и Дона, найден древнейший Храм огня, до сих пор создающий мощное геомагнитное поле.

В то же время теперь хорошо известно, насколько Гитлер был охоч до древних магических знаний и практик.

Про оккультный характер Третьего Рейха мы знаем немало: тайные общества, ордена, Туле, Аненербе, поиск арийского наследия, изучение ведического знания, тайные экспедиции в Тибет и Египет.

У историков по сей день нет единого мнения о прародине ариев, но одна из устойчивых гипотез – север Каспия, южно-русские степи, Сталинград.

Гедройц вспомнил, что название гитлеровской операции – FallBlau – переводится как «голубой поток», а в ведических жреческих текстах так называется священная река предков, купание в которой – главное таинство обретения связи и силы.

Так, может быть, там речь идет о Волге? – и ритуальное купание индусов в Ганге есть ни что иное как воспоминание о великой реке арийских предков?

Вполне вероятно, что Гитлер мыслил Сталинград как арийскую прародину, место мистического обретения силы предков и построения нового арийского мирового царства.

Не исключено, что фюрер надеялся отыскать что-то древнее и священное в катакомбах Царицына-Сталинграда.

Но ведь и Сталин, судя по всему, был посвящён в тайны этой земли и не мог позволить себе отдать это что-то.

Поэтому приказ «Ни шагу назад!» появился в Сталинграде, хотя строгой военно-тактической необходимости, на первый взгляд, не было.

Некоторые факты потрясли воображение Гедройца.

Например, он узнал, что в самые тяжкие дни обороны Сталинграда несколько почитаемых православных старцев привезли в город чудотворную икону Казанской Божьей матери, молились о спасении – и через три дня ударили жесточайшие морозы, резко изменившие военную ситуацию в пользу советских войск.

Гедройц узнал про другой образ Богоматери – так называемую Сталинградскую Мадонну – чудотворный угольный рисунок, сделанный немецким военным врачом на советской географической карте в окружении под Сталинградом.

Были любопытные сообщения о том, как животные из разгромленного сталинградского зоопарка – жирафы и тигры, медведи и косули – все вместе, дружно и невредимо ушли из полыхающего города, переплыли Волгу и ушли на восток.

Попадались совсем фантастические документы: например, рапорты немецких офицеров о наблюдаемых летательных дисках, низко зависающих над Мамаевым курганом в часы тяжелейших схваток.

Новые сведения накладывались на то, что Гедройц подспудно помнил ещё со школьных времён: он вдруг осознал, что речь идёт о том самом сражении, которое решило исход мировой войны и, следовательно, определило судьбу всего человечества.

Глава вторая

Будет казаться, что совсем нет сил терпеть творимое.

Праведные ищут живой источник благодатный силы.

Надежда теплится, но обещает мало.

Однажды словно вспыхнет огненная искра.

Многие почувствуют рост – ведь что-то сдвинулось с долгого постоя.

Это изменение заметно лишь самым чутким очам.

«Свитки»

Гедройц решил съездить в Волгоград, дабы на месте собрать побольше материала для дальнейшей работы.

И вот как-то летним вечером он сел в поезд, чтобы на следующий день быть на месте.

Он был исполнен лёгким волнением, сложным чувством предвкушения чего-то значительного и смутной тревоги.

По мере движения поезда на юг леса за окном сменялись степями, а Гедройцу снился необычный сон, цветной и яркий.

Во сне он находился в уютном доме на берегу океана, был тихий вечер, он вышел, чтоб насладиться прибрежной ночью.

Небо темнело, и взору открывался пейзаж морского побережья: поверхность вод играла зарёй, и ему показалось, что это сама вода светилась мутной краснотой изнутри.

Чей-то мягкий голос звал взглянуть вверх: у горизонта небо сияло зеленоватым холодным светом, но чем выше Гедройц поднимал глаза, тем темнее оно становилось.

Вверху же, над самой головой, оно было иссиня-чёрным – там мириады серебристых линий соединяли звёзды в созвездия.

Гедройц удивился: здесь всё так ясно, созвездья столь чётки и различимы, он узнал этот рисунок.

К другому краю бездны он обернулся: там нависали шары планет, своими размерами превосходившие августовскую Луну.

Он сразу увидел Юпитер, багровый Марс, кольцо Сатурна, дым Фэтона и дым Венеры, и ещё одну синюю планету.

Знакомый голос продолжал:

«Сейчас начнётся движение воды на этот берег, на этот город, волны накроют твой домик, он уйдёт под воду. Но ты не бойся, дом твой крепок и надёжен. Иди к себе, закрой все двери и дожись конца прилива».

Океан и вправду начал свой гремющий шторм, и вскоре всё небо пропало под обесцвеченной водой.

Не отрывая от окон взгляда, Гедройц погружался во тьму, желая дождаться окончания морских движений – и был разбужен резким гудком встречного поезда.

Спустя несколько часов он стоял на волгоградском перроне: город встретил его мощной грозой и душистым воздухом, хотя обычно здесь летом жарко и сухо, а Волга спокойна.

Гедройцу вспомнилось, что рассказывали ему знакомые, побывавшие в Волгограде.

Они говорили, что городские жители весь день пьют пиво, а по вечерам едят жареную в масле отборную коноплю, политую фруктовым сиропом, уверяя, что это и есть настоящий рецепт халвы, столь любимой на Ближнем Востоке.

Устроившись в гостинице, Гедройц отправился на ближайший базар, ему давно хотелось попробовать настоящей, только что засоленной чёрной икры. Там он разговорился с торговцем

рыбой, расспросил его о жизни, а потом сказал, что приехал разузнать про Сталинградскую битву, и вызвал неожиданное доверие к себе этим признанием.

Торговец стал более откровенен: оказалось, товар ему поставляют браконьеры, которые, кстати, помимо рыбы, занимаются раскопками, ищут на полях сражений кресты и оружие, от ножей до танков, реставрируют и продают коллекционерам.

Он предложил познакомить Гедройца с ними, и Андрей воспринял это как большую честь.

Глава третья

Правитель земли горькой водой будет заливать подымающееся пламя – в нём поуха и ущерб времени.

Новая сила будет укрепляться и становится обозримой извне.

Счастье тем, кто внимает ей и преобразяется.

Да пребудет с черпающими её чистота и трезвость, дабы удержали обретенное!

Пусть они услышат святого, он произносит правдивую речь.

«Свитки»

В представлении Гедройца браконьеры были далеко не самой безопасной частью преступного мира, однако те рыбаки, к которым его привели, оказались вполне доброжелательными, выпили с ним самогону и рассказали о себе.

Живут они у самой Волги на отчуждённой и огороженной территории в купленных по случаю плацкартных вагонах.

У них есть собственные квартиры в городе, но здесь, на берегу – их территория, их владения, их поместье.

Андрей разглядел стены вагона: картинки из мужских журналов развешены в одном углу вагона, портреты русских монархов – в другом.

Попасть случайному человеку сюда трудно, подходы обтянуты колючей проволокой, кругом собаки, и милиция близко к ним не подходит.

Когда бандиты из южных краёв решили подчинить себе эту территорию, волжские браконьеры спокойно вышли на встречу с их главарём, обвешанным золотом.

Требование платить ему дань показалось им оскорбительным, и они заживо залили бандита бетоном в старой цистерне, которую скатили потом в реку.

Гедройц разговорился с двумя браконьерами: один – довольно молодой парень Иван, потомственный рыбак, сколько себя помнит, ходил с отцом в Волгу на осетра и стерлядь.

Он жалуется на калмыцких конкурентов: те ставят сети поперёк реки, перекрывают всё течение, но берут лишь ту рыбу, что могут вытащить, остальной же улов остаётся гнить в сетях.

И бороться с ними бесполезно – их же так много, и все они против нас.

Гедройца он просил прислать из Москвы литературу с описанием древнерусского боевого искусства: хочет в совершенстве его освоить.

Ведь слишком много развелось в городе инородцев с их верой, всё исконно русское истребляют, и их надо изгонять.

Ведь и они против нас.

Его подельник Миша с ним всего пару лет – он старше, но в рыбацком деле – ученик, посему ведёт себя скромно.

Миша воевал в Чечне, а теперь вытаскивает замечательное холодное оружие и продаёт довольно дёшево – в Москве, конечно, за такие деньги ничего дельного не купишь.

Особенно он годится своими кинжалами, они входят в человека как в масло, сильным ударом пробивают и бронежилет.

Мастерить ножи Миша научился в чеченском плену, где и подглядел секреты этого горного ремесла: в плену его пытали, он потерял глаз, но другим видит совсем неплохо.

Гедройц слушал рассказы браконьеров и не мог понять, как эти радушные люди так спокойно, даже не без удовольствия, рассказывают о таких жестокостях – откуда такая тяга к насилию, необъяснимая и нарочитая, хотя бы и на словах?

Он спросил, правда ли, что можно откопать что-нибудь интересное в местах боевых действий?

Миша улыбнулся и положил на стол большой блестящий кинжал, и Гедройц сразу почувствовал силу, исходящую от этого оружия.

«Я его недавно на кургане откопал, у самой вершины, – объяснил Миша, – Это немецкий штык-нож. Он весь был в окаменевшей крови. Я его отмыл кислотой, лезвие заточил. Да ты не бойся, я его нашему старцу Иосифу показывал. Он сказал, что простому человеку от ножа не будет вреда, дух в нём уже вроде как не военный».

Гедройца потрясло качество изделия: проведя полвека в земле, лакированная деревянная рукоятка выглядела совсем новой.

Миша заметил восхищённый взгляд Гедройца и вдруг сказал:

«А ты, Андрияха, забирай его себе. У меня ещё есть».

Гедройц никак не ожидал такой щедрости, подумав, что, должно быть, это шутка.

«Бери, бери, в своей Москве не найдёшь такого», – Иван протянул нож Гедройцу.

Тот поблагодарил и сразу убрал подарок в портфель.

Оставив гостя одного в вагоне, браконьеры поплыли на лодке за рыбой, а Гедройц сразу достал нож и стал его разглядывать.

Он никогда прежде не держал в руках оружие убийства – возможно, не одного, а многих убийств.

Он изучил лезвие, пощупал острие, стал играть с ножом, имитировать удары, закалывать невидимых врагов.

Воображение Гедройца разыгралось, он представил себе немца, который этим самым ножом резал русских солдат.

А потом представил, как этот немец получает смертельное ранение, падает, подкошенный русской пулей, и последнее, что видит – вот этот клинок, и, умирая, прощается с ним...

Вскоре ребята прибыли с ещё живой стерлядью и тут же зажарили её – свежий шашлык из осетрины был необыкновенно хорош!

И как красиво было темнеющее небо, первые звёзды, Млечный путь, обрыв над беспокойной Волгой и отблеск далёкой грозы!

Они выпили самогону, настоящего на дубовой коре, закусили шашлыком – а потом ели арбуз.

Гроза приближалась, и Гедройц поспешил закончить трапезу, дабы не оставаться в вагончике на ночь.

Провожая, браконьеры сказали ему:

«Ты только смотри, ночью на курган не ходи один. Люди там иногда просто пропадают».

Гедройц же был навеселе, и принял предостережение за шутку.

Вернувшись в гостиницу, он прилёг отдохнуть, его склонило ко сну: свежий речной воздух и местный самогон здорово расслабили его.

Около полуночи Гедройца разбудил телефонный звонок с вопросом, не скучно ли ему спать в одиночестве, – сонный Андрей не понял, повесил трубку.

А приснился ему старый сад, где каждое дерево обильно плодоносило: яблок невиданное число тяжелило каждую ветвь, а ветви все были в цвету.

Он слышал запах жасмина и розы, на лозах видел спелый виноград, в прудах плавал лотос, вокруг сада зрели хлеба.

Он услышал женский голос:

«Я знаю, где это место! Я тебе покажу его, Андрей. Ты должен взять лодку. Этот сад там, за рекой».

Они плыли к берегу, когда встало солнце – огромное, красное, оно во все стороны разрасталось.

И вдруг разорвалось, и на всё небо явилась седая голова, и он услышал слова: «Ну, вот и ты, Андрей!» – и проснулся.

Глава четвёртая

Славное правление будет твориться, мудрое.

Следующие за правителем знают успех, а следуют за ним все!

Новые цели и удержание наследованного знания – вот что приведёт к преуспеянию.

«Свитки»

На следующий день Гедройц пошёл в Военный музей с надеждой проникнуть в закрытые архивы и фонды.

Залы музея были пусты, и первым же встреченным человеком оказался директор-хранитель.

Ему было явно за семьдесят, но он был ещё крепок; особенная подтянутость, ровность походки и рапортующая манера речи выдавали в нём бывшего офицера.

Звали его Владимиром Ильичем, да и внешне он чем-то напоминал гения русской революции: большой лысый череп, остатки рыжеватой растительности и взгляд цепкий, лукавый и беспокойный.

Он напряжённо всматривался в Гедройца, а тот стремился угадать, что за человек этот директор и как с ним лучше разговаривать.

Когда Андрей объяснил, что приехал писать книжку про войну, Владимир Ильич натянуто заулыбался, его выцветшие глаза стали ещё тревожнее.

«Что ж, мы вам очень рады, – сказал он после некоторой паузы. – Последнее время никто нас, понимаешь ли, вниманием не балует. Ну, конечно, по военным праздникам привозят к нам и школьников, и солдат. Тут целые толпы посетителей. Но сейчас, как видите, никого нет. Да оно и понятно – лето на дворе».

«Спасибо, Владимир Ильич. Сразу хотел вас спросить: а вы сами давно ли начальствуете здесь?» – с наигранной непринуждённостью спросил Гедройц.

«Ну, как вам сказать... Директор я всего пару лет. Но намёк ваш, Андрей, я понял. Вы ведь сомневаетесь, хорошо ли знаю музей, чтобы помочь вам. Думаете, я здесь человек случайный? – он внимательно посмотрел на Гедройца. – Так вот, сразу вам скажу: я и родился в Царицыне, и воевал в Сталинграде, и похоронят меня здесь же. Я про битву всё знаю, я её, понимаешь ли, изнутри видел. Можете не сомневаться», – отчеканил директор.

«Мне просто хотелось узнать, чем вы раньше занимались в жизни. Я как раз подумал, что в прошлом вы – боевой офицер», – извиняющимся тоном отвечал Гедройц, радуясь в душе тому, что такая удача, что непонятный на первый взгляд директор оказался всерьёз заинтересованным человеком.

А тот сразу перешёл к делу:

«Должно быть Вас, Андрей, солдатские письма интересуют. Для вашей книги это, я так понимаю, очень даже полезное подспорье. Письма, дневники – русские, немецкие. Такие трагедии жизненные, понимаешь ли... У нас тут коллекция немалая. Можем копии для вас сделать. Или вот со старцем Иосифом побеседуйте, он воевал здесь, а теперь монашествует, у самой Волги. С радостью для вас встречу организуем», – Гедройц подумал, почему это директор постоянно говорит о себе во множественном числе?

«Честно говоря, мне нужно будет поговорить с вами о некоторых загадочных вещах, связанных с битвой. Я вник в кое-какие детали, и у меня появились удивительные предположения и догадки», – Гедройц сказал это тихим голосом, хотя рядом никого не было.

Старик выглядел не слишком заинтригованным, однако Гедройц отчетливо увидел, что какое-то усталое волнение появилось в нём.

Спрашивается, почему? – Гедройц не начальство ему, не ревизия, повода для волнения не было.

Они прошли в кабинет директора музея, где Гедройц стал делиться с ним собранной таинственной информацией.

Однако по мере того, как сыпалось все больше фактов и гипотез, директор все более мрачнел и все более тяжело вздыхал.

Когда Гедройц закончил свой яркий, как ему казалось, рассказ, Владимир Ильич начал отвечать – медленно и без восторга:

«Всё это очень интересно, Андрей. Но скажу вам честно, вы не первый, кто приехал сюда со всякими чудесами да арийскими сокровищами в Мамаевом кургане. Дело, понимаешь ли, в том, что всякий раз, когда кто-то начинает копать в этой теме, с ним начинают случаться разные несчастья. Вы уж простите меня, по-простому вам скажу: ехали бы вы, в самом деле, обратно в Москву. Мы вам нашими материалами поможем, не сомневайтесь. Пишите спокойно свою книгу, только сами в эти дела не лезьте».

Гедройц был обескуражен таким ответом:

«Владимир Ильич, да неужели вы не видите, что все наше представление о Сталинграде может перевернуться! Надо ведь выяснить всю правду, в конце концов. И ничего со мной не случится».

Владимир Ильич грустно посмотрел на Гедройца:

«Андрей, дорогой вы мой! Я же не придумываю ничего. Всего неделю назад пропал в Волгограде один, понимаешь ли, известный историк из Германии. А до этого он два месяца работал с нашими фондами и всё радовался каким-то находкам. Можете спросить у наших сотрудников, если хотите – они с ним больше моего общались. Ей-богу, совсем не хочу вас пугать, просто говорю, что опасно это».

Гедройца это несколько не встревожило:

«Я же не за коммерцией приехал сюда, не за политикой, а за научным исследованием. Так что ничего опасного здесь не вижу. А то, о чём вы говорите, не более чем ряд случайностей. Да и найдется еще ваш немец».

«Как вы всё-таки наивны! – не глядя в глаза Гедройцу, пробормотал директор. – Ну да я предупредил. Сами будете виноваты, если докопаетесь до чего-то такого, что будет страшным и губительным для вас».

Глава пятая

Начнётся замешательство, ибо правитель встанет перед выбором.

Но сохранит праведность – и не оступится.

Успех не сможет затмить чистоты зрения всего народа.

Счастлив всякий, делающий дело всеобщее.

В это благоденствие народ принесёт жертву, и искупит прошлую вину.

«Свитки»

Покинув музей, Гедройц бродил по городу: на Мамаевом кургане он решил побывать в последнюю очередь, а пока просто осматривал город, набираясь впечатлений.

Оказалось, что в Волгограде есть метро, но выглядит оно, как трамвай, да и ездит не только под землёй, но и по улицам.

В трамвае Гедройц разговорился с привлекательной молодой волжанкой – его вообще удивляла особенная, здоровая красота волжских женщин, их стать и душевная бодрость.

Загорелая, лет двадцати девушка по имени Вера приехала из небольшого городка неподалёку, чтобы повидаться со своим братом, отбывающим срок в волгоградской тюрьме.

Она рассказала Гедройцу свою печальную историю:

«Брат мой Илья сидит уже два года, засудили его. Девушка у него была, Лариса. Они поссорились, сильно он её чем-то обидел – спьяну, конечно. Она возьми и заяви на него в милицию. Он, говорит, меня изнасиловал. Всё подстроила. Сделали анализ – да, что-то такое подтверждается. А она ещё с соседкой договорилась, что та вроде как крики слышала, что, мол, насилуют. Судья его откупить предлагал. Да откуда у нас такие деньги? А Лариску ту на другой год и взаправду изнасиловали и убили. Илюшка, как узнал про это, надумал побег устроить, чтобы найти гадов и отомстить за неё. Его, конечно, поймали, срок накинули. Он потом хотел с собой покончить – не дали. Писем от него давно не было, вот еду проверить как он там... Вообще, несчастная какая-то у нас семья. В роду матери все, кого знаю, спились... Всё против нас оборачивается из-за пьянства этого».

Гедройца тронула её история, но ещё больше удивило то доверие, с которым девушка рассказывала о своей несчастной семье в трамвае незнакомому человеку.

Он спросил Веру, что она думает про Мамаев курган, а она ответила неожиданно:

«Не знаю, не до этого мне. Столько своих проблем. Была я на кургане, конечно. Вот и старец Иосиф велел сходить. Тяжело там всё... Знаешь, я тебе одну вещь скажу, брат как-то заметил: если там нарвать цветов, то они очень долго не вянут, даже и без воды. Сама не знаю почему. Но это точно. Он когда за Лариской ухаживал, всё время там цветы рвал».

Вскоре она вышла из трамвая, а он подумал, что не помешало бы встретиться с этим старцем Иосифом, чьё имя уже не первый раз всплывает в разговорах о кургане.

Возвратившись в гостиницу, Гедройц решил ещё раз взглянуть на свои материалы.

Он достал портфель, в котором хранил книги, вырезки из газет, фотографии и предварительные наброски книги, набрал шифр на кодовом замке портфеля и попытался его открыть – но ему это не удалось.

Он ещё раз убедился, что шифр секретного замка набран верно, однако замок по-прежнему не срабатывал.

Гедройц не мог понять, что случилось, ещё несколько часов назад всё было в порядке, портфель прекрасно открывался.

«Неужели кто-то трогал его, пока меня не было?» – он взял портфель и поспешил в администрацию гостиницы.

Там выяснилось, что горничная последний раз убиралась в комнате утром, то есть со времени ухода Гедройца из гостиницы никто в его номер не входил.

Вызвали мастера, он вскрыл замок, осмотрел его и высказал Гедройцу своё мнение: замок на портфеле был взломан большим мастером, нет никаких следов.

Однако, судя по всему, в замочке был такой механизм, что если при закрытии случайно сместить колёсико кода, то старый шифр сменяется на новый – потому-то Гедройц, набрав старый номер, и не смог открыть его.

Андрей сразу проверил, всё ли на месте: к его радости, материалы были целы, хотя и несколько неряшливо уложены – было очевидно, что кто-то копался в его портфеле.

Администратор стал уверять, что постарается во всём разобраться, что не надо обращаться в милицию, тем более что ничего не пропало.

Гедройц же его даже и не слушал, он сразу пошёл к себе в номер проверять, не пропали ли другие вещи.

Там он увидел, что кто-то действительно исследовал содержимое его багажа и одежды, однако ничего не было украдено, и если бы не история с замком, Гедройц, вероятно, мог вообще ничего не заметить.

Он стал размышлять об этом происшествии: если его хотели просто обворовать, то почему не взяли портфель с собой, почему вообще ничего не взяли?

Конечно, слишком дорогих вещей в номере не было, хотя кое-какая одежда, неплохой фотоаппарат, да и тот же кожаный портфель, совсем новый, могли бы послужить злоумышленникам неплохой добычей.

Должно быть, воров интересовали только деньги, которых они не нашли, так как бумажник он всегда носил с собой.

Разобравшись с портфелем, Гедройц решил поужинать в расположенном неподалёку ресторане.

Он вышел из холла гостиницы и стал обходить здание по периметру, по самому короткому пути.

Однако чудный безветренный вечер преподнёс неожиданный сюрприз, заморосил мелкий дождик.

Гедройц подумал, что до соседнего дома он и так добежит, но потом ему в голову пришла мысль, что дождь может усилиться и что лучше на всякий случай захватить с собой зонт.

Он развернулся и пошёл обратно – и спустя несколько секунд за его спиной раздался оглушающий звон разбивающегося вдребезги стекла.

Гедройц вздрогнул, зажмурился, непроизвольно втянул голову в плечи, а когда шум успокоился, обернулся.

Примерно в том месте, где он остановился и пошёл назад, асфальт был усыпан осколками огромного зеркала.

Некоторые из крошечных стеклянных кинжалов валялись у самых ног Гедройца, его не задело просто чудом.

Если бы он не повернул в гостиницу, то удар пришёлся либо точно по голове, либо совсем рядом – и тогда острейшие осколки вонзились в него.

Андрей отстраненно смотрел на бесконечные отражения своего серого лица в мириадах зеркальных кусочков, а вокруг уже суетились люди, сбежавшиеся на шум и звон.

Глава шестая

Нельзя будет оставаться дома, но в мир идти, неся дары.

Препятствия возникнут на пути, но будут преодолены легко, ведь к ним готовятся, о них давно известно.

Опасности же более кажутся, чем существуют.

За пределами своей земли правитель и его подданные будут успешны, своей силой и любовью обнимут многие народы.

«Свитки»

Оправившись от первого шока, Гедройц испытал радость и облегчение, понимая, что только что избежал чудовищного несчастного случая – и вдруг ему вспомнилось предупреждение директора музея о какой-то опасности.

Он сопоставил его и с обыском его вещей в номере, и с этим происшествием – пожалуй, всё это могло быть и неслучайно.

Странные совпадения: сначала кто-то копается в его вещах, а потом ему на голову летит тяжелое зеркало.

Хотя к такому нападению надо готовиться, надо всё точно рассчитать – нет, конечно, всё это маловероятно.

И тем не менее, теперь у Гедройца появилось ощущение, что разговоры об опасности не были пустыми.

Но если его хотели убить, то зачем? – никакого мотива нет; покушавшийся мог быть, конечно, и просто сумасшедшим, вообразившим, что должен за что-то наказать Гедройца или что тот ему чем-то опасен.

Хотя так мог подумать не только сумасшедший: не исключено, что Гедройц случайно, незаметно для себя, сделал или сказал что-то, что показалось кому-то опасным.

Но кто же, кто может быть против него сейчас? – и ведь возможно, его начали преследовать ещё в Москве, просто он этого не замечал.

Надо внимательнее вспомнить всех, с кем он более или менее близко общался в последние дни.

Нет, не получается, все его собеседники – случайные, несчастные, добродушные люди, ничем он их не злил, только выслушивал и утешал.

И пожалуй, только с директором музея, с Владимиром Ильичом, он говорил о чём-то серьёзном – предупреждал же его старик, говорил, что нужно быть осторожнее, про исчезнувшего историка из Германии всё толковал, а он тогда не обратил внимания.

Андрей позвонил директору музея и рассказал о случившемся с ним, от волнения приукрашивая события и всё больше пугаясь собственного рассказа.

Тот внимательно слушал его, время от времени осуждающе цокал, а потом стал монотонно повторять все те же слова – об опасности, о пропавшем немце, о том, что лучше бы скорее уехать – и Гедройц был не слишком утешен разговором с Владимиром Ильичем.

После событий сегодняшнего дня он пребывал в состоянии немалого возбуждения и серьёзно опасался бессонницы, поэтому достал из холодильника две бутылки местного пива с ярко-красной этикеткой и быстро их выпил.

Вскоре он погрузился в нетвёрдый сон, ему снилось, что он усердно работает, оклеивает золотой бумагой безымянную статую в городском саду.

Блестящие квадраты плохо ложатся на неровную поверхность мрамора, рвутся и осыпаются, а мрамор крошится.

Когда он закончил с бумагой, то подвёл провода семи прожекторов, сдвинул фонари, нацелил на фигуру, собрал прохожих к тёмному силуэту и вдруг врубил весь свет сразу – и отражением тысячи солнц сверкнул золотой бог Яхва, и ослепил его, и сошёл на землю.

Гедройц проснулся в ярких утренних лучах, пробившихся сквозь неплотно занавешенное окно.

Глава седьмая

*Скоро правитель возжелает подчинить себе все земли, и тогда начнётся насилие.
Разумный человек возглавит войско, и потому начало принесёт успех.
Но будет замерзать завет, мертветь благодатное живое слово, и придёт черед пора-
жений.*

«Свитки»

«...Я полюбил тебя зимой: шуба падает на ковёр, а там, под шубой – шёлк.
Так падает чайка в волны, так падают ливни в травы, так твои волосы закрывают мне
лицо, день превращая в ночь.
Так твой полушёпот заглушает шум улиц.
Где многолюдье? – в моих ушах лишь шелест твоего дыхания.
О, эта беспощадная ясность взгляда и непорочность мысли!
Речь умолкает, и пожар в сердце.
Мария, как узнать себя в тебе?
Ужас потерять, и счастье увидеть радость в твоих глазах!
Две жизни – до тебя – и теперь.
И календарь лениво переворачивает листы прикосновениями твоих ладоней.
Разве осталось небо? Разве есть ещё солнце и планеты?
Всё ушло, потеряло смысл, растворилось.
Бог, обращённый в плоть, ты что-то говорил о любви?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.